

УДК 821.161.1.09"20"
ББК 83.3(2)6-8

GENIUS LOCI ФЕДОРА КРЮКОВА, БЫТОПИСАТЕЛЯ «ТИХОГО ДОНА»¹

Евгения Александровна Смирнова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций,
Волгоградский государственный университет
stilvolsu@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается творчество казачьего писателя Ф.Д. Крюкова, открывшего русскому читателю многоцветный колорит Донского края и донское казачество, ставшего литературным наставником для многих казачьих писателей, в динамике жизненного пути, развития таланта, в многообразии проявлений в культурно-историческом контексте своего времени. Практически все произведения Ф.Д. Крюкова были опубликованы в толстых журналах (периода Гражданской войны – в газетах), что предопределяет специфический подход писателя к отображению действительности как писателя-журналиста, представившего в своих литературных, критических и публицистических произведениях панораму экономической, политической и культурной жизни Области Войска Донского.

Ключевые слова: журнальный контекст, Ф.Д. Крюков, «Русское богатство», толстый журнал, казачество, публицистика, жанры, очерк, рецензия, проблематика СМИ.

Ф.Д. Крюков (1870–1920) – писатель, журналист, политик, сотрудничавший в ряде столичных журналов, и прежде всего в «Русском богатстве», а после революции 1917 года печатавшийся в изданиях Области Войска Донского. При жизни он снискал себе славу бытописателя казачества. Крюковские казаки и казачки – представители сильного, самобытного народа со сложной судьбой и многовековой историей.

Судьба Федора Крюкова – и писателя, и человека – трагична. Прижизненная критика назвала его «второстепенным, но подлинным создателем художественного слова, которым по праву гордится русская литература» [4, с. 15]. В.Г. Короленко, с которым Крюков тесно сотрудничал на протяжении многих лет, считал его писателем «настоящим, без вывертов, без громкого произведения, но со своей собственной ногой», который «первый дал настоящий колорит Дона» [6, с. 228].

Уроженец станицы Глазуновской, казак по происхождению, твердо веривший в высокое предназначение казачества, в возможность его самобытного развития, отстаивавший права своих земляков с политической трибуны, будучи трижды депутатом Государственной Думы, Крюков не принял октябрьского переворота 1917 года. Отступая с белогвардейскими войсками, он умер от тифа, и даже место захоронения его до сих пор не известно. В советское время творчество писателя, примкнувшего к «белым», естественно, было предано забвению, хотя за более чем четвертьвековой период Крюковым написано около 250 повестей, рассказов, художественно-публицистических очерков, путевых заметок и т. п.

Литературным дебютом Ф.Д. Крюкова стали публикации в «Донской речи» статей «Казаки на Академической выставке» и «Что теперь поют казаки» (Донская речь. 1890.

18 марта и 29 апреля соответственно). В столичной прессе его «Казачьи станичные суды» опубликовал журнал «Северный вестник» (1892. № 4). По сути, это были историко-публицистические зарисовки о казачьем быте. Но казачество уже осторожно выдвигалось на литературную и журналистскую арену. Таким образом, творчество Ф.Д. Крюкова и в региональной журналистике, и в центральной выполняло имиджеформирующую, культурологическую функцию.

После окончания Петербургского историко-филологического института и неосуществленной попытки стать священником Крюков более года (1892–1894) жил на заработок от сотрудничества в «Петербургской газете», печатая короткие рассказы из столичного, сельского и провинциального быта. В это же время отдельные работы Крюков публикует под псевдонимом А. Березинцев в «Историческом вестнике», посвящая свои рассказы донскому казачеству Петровской эпохи. Его первые исторические очерки (Гулебщики // Исторический вестник. 1892. № 2; Казачьи станичные суды // Северный вестник. 1892. № 4; Шульгинская расправа // Исторический вестник. 1894. № 9) представляют собой картины «стародавнего Дона». Крюков пытается осмыслить истоки и своеобразие «донского национального характера». Именно казачество, по его мнению, сохранило в себе способность к самобытному развитию, возможность противостояния западным соблазнам. Казачество, «рыцарство старины», его героизм, свободолюбие, гуманные начала противопоставлены сословной изоляции и бездумному повиновению монархическому начальству. Крюков всю жизнь старался подчеркнуть в казачестве его лучшие черты, унаследованные от предков, а пороки, так или иначе встречающиеся у казачьего люда, связывал с влиянием режима. Поэтому образы отчасти романтизированы.

Однако рецензия на публикации Крюкова в «Историческом вестнике» была отрицательной. Ее автор С.Ф. Мельников-Разведенков писал: «Этюд <...> – не плод серьезного изучения данного сословия, а просто смехотворные статейки», причем «это не серьезный юмор, в котором слышатся скорбные нотки, вызванные теми или другими ненормальны-

ми явлениями, а разухабистое гоготание человека, который не задумывается над тем явлением, над которым он смеется». «Мне кажется, – продолжает критик, – что молодой автор по неопытности стал на ложную дорогу, выливая помой на голову земляков. <...> Он нисколько не поспособствует улучшению народной жизни, огульно и голословно потешаясь над казачеством, не указывая серьезно слабых сторон его быта». Причем целью рецензии автор считал не столько «указать на ошибку», сколько «устыдить, дабы тот (Березинцев – Е.С.) проверил наблюдения и познакомил читателя с результатом», апеллируя к редактору «Исторического вестника», как такой серьезный журнал «дает место подобным очеркам, не относящимся к области серьезных произведений» [10].

Крюков много работал – после смерти отца на его иждивении были мать, брат и две незамужние сестры, однако «урывал время для литературы. <...> Есть во мне какой-то «писательский» дух, который не дает мне покоя», – говорил он [18]. Он пытался расширить тематику своих произведений, выйти за пределы этнографии и исторических описаний. Жизнь, которая его окружала, – эта «пестрая, нескладная, но вместе и глубоко интересная суতোлка человеческих взаимоотношений» [16] – давала огромный материал для творчества. Она была для Крюкова «самой интересной книгой» [17], которую нужно было изучать.

По общественно-политическим взглядам сам Крюков считал себя народником: «Вкус у меня устаревший, – писал он, – я держусь группы народников и в экономических, и в эстетических взглядах» [15]. О том же свидетельствует и А.Г. Горнфельд, говоря что Крюков был «народник по общественным влечениям в своих произведениях» [4, с. 15]. Поэтому неудивительно и неслучайно, что именно «Русское богатство» – журнал легального народничества – стало главной литературной трибуной писателя.

Тема казачества, экзотическая и мало разработанная в то время, была самой судьбой дарована Крюкову, и в существе своем отвечала идейной программе и устремлениям народнического журнала, проявлявшего пристальное внимание к жизни российской

провинции, нуждам и чаяниям русского мужика. Казак же, как отмечал А. Серафимович в письме Крюкову, «тот же мужик в особенной обстановке» [11, с. 155].

Крюкова называли Глебом Успенским Дона [2, с. 18], «Гомером казачества» [1], его публикаций ждали с нетерпением и интересом. Отмечая несомненное писательское мастерство Крюкова-публициста, А.С. Серафимович писал своему односуму (так казаки называют земляков): «Вы завидуете, как я пишу. А я завидую, Федор Дмитриевич, Вам. Это я серьезно. Я беру явления несколько шире Вас, может быть, несколько глубже. Но все это от литературы, все это надумано, придумано, все это дохлое и только для виду ворочается, обманывающая. У Вас же, если круг захватываемый и уже, зато это трепещет красками, звуками, движением, и все это – настоящее, все это трепещет живое, как выдернутая из воды рыба, все это, если бы Вы и хотели придумать, так не придумаете, а ею прет из Вас, как из роженицы. И если бы эту Вашу способность рожать углубить, уширить, Вы бы огромный писатель были...» [РГАЛИ. Ф. 457. Оп. 1. Ед. хр. 293].

На родине Крюкова вышел единственный юбилейный (посвященный 25-летию литературной деятельности) сборник «Родимый край» (Усть-Медведицкая: «Север Дона», 1918). Сборник включает отрывки из произведений писателя, переписку с Короленко, критические работы и воспоминания о Крюкове, «одном из самых ярких и радостных явлений в жизни нашей земли Всевеликого войска Донского», «первом и сильнейшем национальном донском писателе», «певце казацкой души». Один из авторов сборника С. Пинус посвятил ему статью «Бытописатель Дона», являет собой попытку критического анализа творчества Крюкова.

Непререкаемым авторитетом был Крюков для издателей казачьих журналов (выходивших за рубежом в среде эмигрантов: «Вестник казачьего союза», «Вольное казачество», «Казачий путь», «Казачий сборник», «Казачьи зори» и др.). Художественная литература занимала в них периферийное положение и не имела того значения, какое традиционно придавалось ей в отечественных «толстых» журналах. Однако беллетристика являлась в них

душевным досугом, компенсировала тоску казаков по родине. Крюков считался выразителем подлинного казачьего духа. «Никто, как он, не описал так точно тихую жизнь казачьей станицы. Его Ефимы, Гордеи, Власычи... – типы, которые перейдут в историю, и здесь он выше своего учителя Короленки и по красоте пера и силе проникновения подходит лучшим образцам литературы» [7].

Послеоктябрьское творчество Крюкова отличается от написанного ранее как проблематикой, так и жанровыми формами. Писатель уступил место публицисту, причем его взгляды стали крайне «правыми»: в его статьях этого периода выражены надежды на освобождение России от большевизма и горячее желание служить родному краю. После закрытия «Русского богатства» («Русских записок») Крюков уезжает на родину и активно занимается журналистской и редакторской работой (был редактором газеты «Донские ведомости») в донских изданиях: печатался в журнале «Донская волна», газетах «Север Дона», «Приазовский край», «Донские ведомости», «Сполох», «Донская речь».

В советское время имя писателя Федора Крюкова в основном упоминалось в связи с полемикой вокруг авторства «Тихого Дона», к слову, не прекращающейся до сих пор. Возвращение Крюкова к широкому читателю произошло в 90-е годы прошлого века. Побуждающим фактором стало начавшееся в стране мощное движение за возрождение русского казачества. Появляются статьи, архивные разыскания, работы биографического характера, в которых рассматриваются под разными углами зрения жизненный и творческий путь писателя; публикации его писем и переписки с коллегами-литераторами [подробнее см.: 21].

В «Русском богатстве» опубликована большая часть беллетристики и публицистики Крюкова, в этом издании происходило его творческое становление, и именно этот журнал одним из первых стал разрабатывать тему казачества разноаспектно, а не только этнографически. Там же формировалась «донская коллекция» – будучи редактором беллетристического отдела, Крюков привлекал к сотрудничеству в издании своих писателей-земляков (И. Сазонова, А. Тинякова и др.).

В этом журнале Крюков дебютировал в октябрьском номере за 1896 год рассказом «Казачка», положив начало постоянному плодотворному сотрудничеству как автора «со своей собственной нотой», учителя орловской гимназии, с передовым журналом своего времени, где он обрел не только трибуну, но и учителей-единомышленников. Реалистические произведения на бытовом деревенском материале занимали основное место в художественной прозе журнала, но Короленко считал необходимым расширить этот слишком ограниченный тематический круг и приветствовал все новое, что обогащало тематику отдела беллетристики. Крюковские казаки стали литературной этнографической новинкой, наряду с «чучогами» Н. Тана, башкирами А. Евреиновой, татарами В. Фаусена и другими «экзотическими» героями. Однако, обращаясь к «необычному» по национальному признаку герою, Крюков, по сути, вырабатывает особый метод писателя-журналиста, осмысливая литературных героев, многие из которых прототипичны, в контексте реального времени и конкретных общественных проблем.

В «Казачке» повествуется о судьбе жалмерки, молодой замужней женщины, нагулявшей внебрачного («жирового») ребенка и покончившей с собой накануне приезда мужа. Сюжет прост и незатейлив. Тем более, что факт измены в казачьей среде не был чем-то необычным. Однако в «Казачке» обозначены и социальные проблемы: Крюков пишет о том, как страдали казачьи семьи, когда кормильцы уходили на долгую армейскую службу, когда состарившиеся матери и отцы оставались без опоры, жены – без мужей.

Одна из главных идей, которую Крюков транслирует аудитории, – он ставит под сомнение возможность разрешения конфликтов, в том числе и семейных, методом традиционной морали, когда жизненные противоречия могут быть разрешены путем соблюдения христианских заповедей (как, например, утверждал в своем творчестве другой казачий писатель, П. Краснов) [19].

Крюков с любовью живописует хуторские гулянья, казачьи игрища, песнопения, он во многом романтизирует станичную жизнь. Последующие публикации воспроизводят ее более реалистично. Это относится к путевым

очеркам «На тихом Дону» (Русское богатство. 1898, № 8–10), написанным в форме путевых заметок. Крюков описывает свое путешествие по Дону до Новочеркасска, дает обстоятельную картину общественной и экономической жизни края. «Чуткий и внимательный наблюдатель и насмешливый изобразитель народной души и жизни» [4, с. 15], Крюков «с безотчетной грустью» пишет о донском крае, где так же, как и по всей России, «подвизается» произвол, где нет помощи нуждающимся, где «подлость и ненависть ко свету свили <...> себе прочнейшее гнездо» (Русское богатство. 1898. № 8. С. 40).

Писатель рассказывает о станичном сборе, на котором решаются все бытовые вопросы – от раздела луговых паев, наказания «за разврат жизни» провинившегося казака-смутьяна до помощи отдельным семьям. Он взволнованно говорит о казачьем житье-бытье, пытаясь опровергнуть устоявшееся мнение о казачестве. Казак не казнокрад, не «в высшей степени отсталое сословие, нуждающееся в воздействии», он прежде всего воин, со своим личным, «за свой счет» снаряжением, долгие годы проводящий на полковых сборах, и в то же время обязанный содержать хозяйство, кормить большую семью.

Крюков пишет о «культурных людях станицы»: об офицерах, чье жалованье настолько мало, что они должны «искать места» и бежать из станицы; о народных учителях, которые могут стать носителями культуры, но достаточно «одного вздорного доноса», чтобы лишиться их места и куска хлеба; о духовенстве, которое, находясь в выгодных материальных условиях, при больших приходах и сравнительно зажиточном населении, вместо просветительской деятельности составляет «в возможно скорейшей наживе».

Писатель снова, как и в «Казачке», но уже не имплицитно, а декларативно приходит к неутешительному выводу, что «забота об исправном выполнении воинской повинности и забота об экономическом преуспевании казака – вещи, по-видимому, мало совместимые». Путешествуя по донскому краю, он понимает, что нет такой стороны казачьей жизни, «которая не свидетельствовала бы об его значительной беспомощности» как юри-

дической, так и экономической. В мирное время казак «темен и отстал, несмотря на то, что не обижен от природы способностями».

Однако как бы беден казак ни был, продолжает Крюков, «все-таки живет лучше русского мужика. Такой поразительной нищеты и забитости, которую на каждом шагу можно встретить в русской деревне, на Дону пока не найдешь». Причина этого – и в отсутствии крепостной зависимости в прежние годы, и, что особенно важно, в осознании собственного достоинства. Это осознание, «хоть изредка проявляющееся», и обуславливает интерес писателя к казачеству.

«Я не могу не пожелать, – обращается Крюков с трибуны «Русского богатства», – чтобы моей родине было уделено больше внимания, чем она пользовалась до сих пор, как в литературе, так и в правящих сферах».

Размышляя над проблемой образования, Крюков вновь делает фоном действия милый его сердцу донской край, его родные казачьи хутора и станицы. Об этом свидетельствует и подзаголовок его рассказа «Из дневника учителя Васюхина» – «Картинки из станичной жизни» (Русское богатство. 1902. № 7). Крюков также поднимает в своем творчестве исконную русскую проблему взаимоотношений интеллигентской прослойки с ее возвышенными идеалами и простого народа с его незатейливым бытом. Однако противопоставление интеллигентных и невежественных, необразованных людей не приводит к осмеянию, к сатирическому изображению последних. Напротив, казачий уклад, по-крюковски, намного прекраснее, величественнее и насыщеннее «образованного» стиля жизни.

В рассказе «В родных местах» (Русское богатство. 1903. № 9) писателя интересуют уже не бытовые проблемы, его анализу подвергается морально-психологический облик казака. Герой рассказа, шестидесятилетний неудачник Ефим Толкачев, неоднократно лишившийся родины, способный, энергичный и решительный, опять бежит из тюрьмы. «Он олицетворяет страшное и скорбное напоминание о тесноте быта, извергающее из своих неподвижных устоев подобные мятежные души и обрекающие их на горькое одиночество и отщепенство» [13]. Но, противопоставляя свою свободу и гордость неудачам и бе-

дам, сжигаемый тоской по родным местам, он не осознает, что его судьба, его бытование – это та же тюрьма, из которой он бежал, бежит, и бежит, может быть, в последний раз. В этом – человеческая трагедия. Проблемы казачества, таким образом, вводятся в контекст общероссийских.

Творчество Крюкова раннего периода, характеризующееся критическим осмыслением действительности, практически не имело политической подоплеки. Он вывел на литературную арену нового героя – донского казака в родной для него среде, «родимом крае» – Области Войска Донского. С 1906 года творчество писателя становится и его политической программой, основные положения которой звучали в унисон с программными установками «Русского богатства». В этот период Крюков обращается к теме взаимоотношений народа и революции, казачества и народа, казачества и власти, народа и интеллигенции, народа и духовенства, освещает аграрные преобразования и политические настроения в российской глубинке.

В третьем номере «Нового журнала литературы, искусства и науки» за 1906 год за подписью К. Хр. выходит заметка о крюковских «Станичниках» – с нелестным, правда, отзывом. Но одну из проблем, связанных с изображением казака в литературе и журналистике, критик обозначил: «Опричники с неразлучными нагайками уже года три не сходят с газетных столбцов, врезываясь в толпу», – пишет автор, и «казак успел наскучить» (С. 364). Крюковские же казаки – это не наскучившие опричники. Очерк «Станичники» (1906 г.) – опосредованное изображение аграрных волнений, уже со стороны «исполнителей наказаний». Писатель акцентирует внимание на том, что карательные экспедиции создаются по приказу вышестоящего начальства, а не по волеизъявлению самих казаков.

Казачество в связи с событиями первой русской революции виделось в плане выполнения карательных функций. У Крюкова же казачество страдающее – с одной стороны, оттого что вынуждено в силу присяги и необходимости выполнения воинских обязанностей выполнять усмирительные приказы, с другой стороны, оттого что не может сориентироваться в политических и геополитических пробле-

мах эпохи. Предназначение казачества писатель видит в другом: казаки не наемные каратели, они прежде всего защитники. Об этом говорит и один из персонажей крюковского очерка: «Ну, что это за служба – по бунтам? Срам один! Мужиков бить... дорогу охранять... Ведь ему как не бунтовать, хотя бы рассейскому?» (С. 13).

Казачья мобилизация была не только обязанностью, она влекла за собой бытовую и семейный разлад. Уходившие служить казаки оставляли отцов, матерей, жен, детей обездоленными: последние средства отдавались на военное снаряжение (об этом Крюков писал и в очерках «На тихом Дону»), а пособие, получаемое при призыве, зачастую погашало долги, если это снаряжение справлялось за счет станицы. В душе казаков уже вызрели сомнения, «что жертва, приносимая казачеством, идет не туда, куда следует, служить какому-то нечистому, ненужному, не оправданному никакими соображениями делу, а они идут на него, как бараны, и, глухо недовольные, не смеют вслух заявить о своей обиде, о своем стыде...» (С. 14). Однако казаки – народ подневольный, верный приказу: «Наше дело – присягу исполняй» (С. 24). И они исполняли, хлеща нагайками и затаптывая лошадами одержимых революцией, но не понимая, зачем, не в силах определить для себя «внутреннего врага», поскольку для них это понятие абсурдно.

Очерк «Станичники» был первым из крюковских произведений, в которых писатель заявлял о своем протесте против использования казачества в полицейских целях. Эту программу писатель претворял в жизнь и с трибуны Государственной Думы. В страстном и пылком воззвании на одном из думских заседаний Крюков стремился обратить внимание молодого парламента на тяжкую участь казаков – «святую скотину», запрограммированную быть «страшным орудием порабощения и угнетения народа». Депутат вынес на обсуждение вопросы, давно волновавшие казачество: закон «о мобилизации второй и третьей очереди» и «справедливо ли на одно казачество, разоренное казачество, возлагать тяжелое – и материально, и морально, – бремя, тяжелое ярмо полицейско-эзекуционной службы, тогда как вся гвардия и большая

часть войск других родов свободна от этой службы?»

На I Государственную Думу «были обращены все взоры. Ее моральный авторитет был выше всякого другого авторитета. Ей пели гимны. На ней были сосредоточены все надежды», – писал Ф.Д. Крюков в воспоминаниях «9–11 июля 1906 года» [8, с. 392]. Надежды были разрушены – Дума была распущена.

Революция 1905–1907 гг. заставила обратить внимание на психологию крестьянина. Донская область осталась в стороне от аграрного движения, но казаки смутно надеялись, «что подошло, в самом деле, время, когда мечты ... о земле, наконец, облекутся в плоть». Крюкова волнует вопрос: какие перемены происходят в станицах и в казачьих умах? Что нового принесла казакам революция? Что стало с их нравственными качествами? Ушла ли старина? Панорама событий времен первой русской революции представлена в рассказе Крюкова «Шквал» (1909. №№ 11, 12). О процессе разрушения нравственных основ в казачьей среде, отвыкающей за время сверхсрочной службы от земледельческого труда, от семьи Крюков говорил в повести «Офицерша» (1912. № 4–6).

В октябрьском – ноябрьском номерах за 1912 год публикуется путевой очерк Крюкова «В нижнем течении», в котором автор выступает прежде всего как социолог. Он (повествование ведется от первого лица и с точки зрения жанра «В нижнем течении» – классический очерк) возвращается из поездки по югу России в «родной угол». Создавая образ великой русской реки-кормилицы Волги, Крюков отмечает, что поверхность «кое-где» ее подернута зыбью. Обычное явление водной поверхности – зыбь, но у Крюкова это понятие – емкая метафора: это не просто движение воды, это начало сомнения, начало перемен. *Зыбь* – это то, за чем может последовать *шквал*. В продолжение своих социологических исследований Крюков пишет «очерки из жизни глухого уголка» «В глубине», которые публиковались с апреля по июнь 1913 года (опубликованы под псевдонимом «И. Гордеев»). В них сфокусированы характерные для предвоенного Дона проблемы: тяжелейшие экономические последствия военной мобили-

зации казаков, уменьшение земельных паев, общее природное оскудение. Автор отмечает, что «с двенадцатым годом в нашем далеком углу, как и во многих российских углах, были связаны какие-то смутные ожидания и надежды», что «ожидание», «томление» – это в последние годы та *зыбь*, тот «непременный и самый заметный элемент настроения в низах, да и в низах ли только?»

Для убеждения читателя в реальности описываемых событий, Крюков вводит в текст повествования элементы интервью и репортажа. Он беседует со станичниками, приводит их оценку происходящего, напоминая, что автор – только наблюдатель, констатирующий увиденное. Журналист делит очерк на главы, обозначая проблемные ситуации: «Обманутые чаяния», «Бунт» (о тех самых «бабьих» бунтах, о которых он писал в статье «Возрождение деревни», опубликованной в июльском номере за 1913 год), «Новое», «Интеллигенция». Документализму служит и использование сведений из области экономики, указывается, например, стоимость некоторых продуктов. Оживленность публицистическому тексту придают фольклорные элементы (песни, байки, анекдоты) и, конечно же, воссоздание живой казачьей речи. Причем она понятна читателю – Крюков избегает «местечковых» слов, но колорит «глухого уголка» воссоздан объемно и точно.

Однако к какому бы сословию или прослойке ни принадлежал житель «глухого уголка», Крюков уверен, что «у всех трепетно бьется сердце при мысли об этом убогом, но кровно близком сердцу родном гнезде, у всех не умирает мечта хоть на закате дней вернуться в него и сложить свои кости в недрах родной земли». Идея, пропагандируемая автором, в том, что патриотизм начинается именно с малой родины. Поэтому и заканчивает свои очерки он поэтическим обращением: «О, милая родина! поклон земной твоей скудости и тяжкому труду твоему, твоей убогой красоте, лишь нам понятной, материнской твоей заботе и ласке, которою осветила и согрела ты нашу юность!..» (С. 162).

В очерках «Около войны», опубликовавшихся в 1915 году (№№ 2, 3), Крюков рисует образ русского народа в солдатской шинели. Народ, в котором нет ни одного безучастного.

Этот народ понимает и войну, и ее причины по-своему, интерпретируя в сказовой форме, особо не вдаваясь в политическую подоплеку. Казачество, как и весь российский народ, констатирует Крюков, не углубляясь в политические игры правительства, не зная ни целей, ни средств, успокоив себя преданием о «хулигане-короле», идет на войну, вооружившись народной мудростью, руководствуясь только истинно патриотическими чувствами. Идет, потому что *надо*. Проезжая по станицам, публицист отмечает, что здесь, в глубинке, проблемы остались мирные, бытовые, что опять-таки отражает положение *около* войны. По его наблюдениям, самыми пылкими в вопросах «одоления врага» были люди исключительно штатские, реже – отставные военные. Солдаты и офицеры говорят о войне «просто, спокойно, о враге – даже в тех случаях, когда относились к нему без послабления», отзывались если не дружелюбно, то с должным уважением, «без брани, без обидных слов».

У Крюкова человек на войне в первую очередь жертва, страдалец, потому что оторван от главного своего дела – мирного труда. Война же для него «тяжелое, горькое дело», причем дело «мирское, оборона своего мира – государства от врага», которое, как и «всякое другое дело, как бы оно ни было трудно», но «ничего не поделаешь, надо делать» (С. 159, 166).

В апреле 1916 публикуется крюковский очерк-воспоминание «Первые выборы», посвященный десятилетию I Государственной Думы. Эту декаду автор характеризует как «странствие памятное и трудное», «шумное, спешное», «бедное удачей, достигнутыми результатами». Он знаменит в крюковедении еще и тем, что звучит в нем исповедь писателя, ни с чем не сравнимый гимн любви автора к России и к родному краю, буквально истасканный на цитаты: «Я любил Россию – всю, в целом, великую, несуразную, богатую противоречиями, непостижимую... Я болел ее болью, радовался ее редкими радостями, гордился гордостью, горел ее жгучим стыдом. Но самые заветные, самые цепкие и прочные нити моего сердца были прикреплены к этому вот серому уголку, к краю, где я родился и вырос. Я так был горд его прошлым, которое мне представлялось в романтическом осве-

щении, вольнолюбивым и героическим, немножко идеализируя серое зипунное рыцарство старины, отгулявшее в истории шумный и головокружительный праздник, безалаберную, удалую вольницу и голытьбу. И горел я стыдом за настоящее, за ту роль, которая в годы тяжелой борьбы выпала на долю потомкам славных казаков, моим станичникам, недоумевал и ... бессильно сетовал... Я любил казака-землероба, повинного долгой воинской работе. Я издали угадывал родную фигуру в фуражке блином, в залатанных шароварах с лампасами, в чириках, и благодушно смеялось мое сердце при звуках простодушной речи казацкой, трепетно отзывалось на тягучий мотив старинной казацкой песни... Живя вдали от родного края, я знал и видел его прогрессирующее оскудение, отсталость и неизбежную обреченность в будущем хозяйственному порабощению пришельцев. Скорбел – бесплодно и бессильно. Тужил – маленький человек, “чужой”, в штатском сюртуке, подозрительный для носящих лампасы» (С. 164).

В этих строках – самооценка творчества, практически все проблемы, Крюковым рассмотренные. Своим литературным трудом старался он быть полезен своему маленькому народу, выступая с пламенными речами с трибуны «Русского богатства».

«Взрыв революции», предрекаемый публицистами «Русских записок», свершился. Крюков о своем восприятии революции говорит в очерке-репортаже «Обвал» – репортаже, поскольку передает в нем то, «что видел, слышал и чувствовал в эти дни», «единственные по своей диковинности», «когда простое, серое, примелькавшееся глазу фантастически сочеталось с трагическим и возвышенным героизмом; когда обыватель, искони трепетавший перед нагайкой, вдруг стал равнодушен к грому выстрелов и свисту пуль, к зрелищу смерти и бестрепетно ложился на штык; когда сомнение менялось восторгом, восторг страхом за Россию, красота и безобразия, мужества, благородство, подлость и дикость, вера и отчаяние переплелись в темный клубок вопросов, на которые жизнь не скоро еще даст свой нелицеприятный ответ» (Русские записки. 1917. № 2. С. 351).

Сам Крюков в успех бунта не верил – слишком уж было диковинно «своеобразия ...

отечественных условий» (С. 360). Он называет революцию «забавной: <...> не стреляют, не секут, не бьют, не давят лошаадьми» (С. 361). Растет у автора тревога и тоска: «что же будет? все – по-старому?» (С. 362), «нервы издерганы, измотаны, сна нет, и не на чем отдохнуть душой» (С. 364). Остается надежда, что, быть может, эта революция – «начало великого, долгожданного, лишь в мечтах рисовавшегося в безвестной дали? Ведь мечталось так скромно: дожить бы и хоть одним глазом взглянуть на новую, освобожденную родину? И вот – пришло...» (С. 366). Одолевает и сомнение, поскольку нет вождей у революционеров, поэтому не известно, куда пойдут и куда дойдут они, слабые в своем разединении и, по сути, анархии.

Для Крюкова революция была обвалом, который «рыхлой лавиной загородил расстроенную жизнь». Опять потянулась вечность ожидания: кто? кого? на чьей стороне будет перевес? Даже свержение самодержавия, приход к власти Временного правительства – «министерства доверия» – не вызывает удовлетворения и особой радости. Причина – в тревоге за судьбу родины, «за ее целость, за юный, едва проклюнувшийся росток нежданной свободы» (С. 370).

Очерк «Обвал» – ярчайший пример того, что переворот осознавался писателем неоднозначно. Он считал главным достижением восстания пришедшие свободы, однако не видел перспектив, непонятным для него было будущее страны. Петроградские события февраля 1917 года поразили его «самочинной диктатурой анонимов», отозвались душевной болью, тревогой за судьбу России. «Новый строй, – писал Крюков, – свободный – с первых же минут своего бытия ознакомился с практикой произвола, порой ненужного, и жестокого, и горько обидного». Писатель не чувствует веселья – одни терзания, «но к ним тянуло неотразимо, не было сил усидеть дома, заткнуть уши, закрыть глаза, не слышать, не видеть...» (С. 373). Он считает, что с течением времени все войдет в свои берега, «придет порядок, при котором будет возможно меньше обиженных, исчезнут безответные анонимы, выявив до конца подлинное свое естество» (С. 374). Впервые в творчестве Крюкова появляется обращение его, «повреж-

денного в вере человека», к Неведомому Промыслителю, которому «указывал на струпы и язвы родной земли... на страшные струпы и язвы...» (С. 374). Впервые автор приходит в церковь, чтобы молиться, и молиться о судьбе родины. Разве может человек, «восторженно», «с радостью» (как говорилось в советском кроковедении) принявший революцию, говорить об Отечестве, как о смертельно больном?

В марте 1917 года Крюков был включен во Временный совет Союза казачьих войск от Войска Донского. В апреле же писатель был избран делегатом от Глазуновской станицы на войсковом съезде в Новочеркасске (который назвал «совершенно сумбурным, бестолковым и бесплодным» [14]). Очерки «Новое (впечатления депутата от станицы)» (1917. №№ 5–8), реконструкция тех событий, рисуют атмосферу «взбаламученного» общественного сознания в российской провинции после свержения самодержавия, расстроеного мирного быта, хозяйственную разруху, уродливость новых форм. Обыватели, переименованные в граждан, были озадачены и оглушены внезапностью переворота, в настроениях преобладала «скрытая растерянность неизвестности». Новый строй принес в жизнь «один тревожный сумбур и оторопелость. Ни свободы, ничего толкового, бодрящего, наглядно облегчающего жизнь» «граждане» пока так и не увидели. *Обвал* продолжается.

В июле 1917 года Крюков окончательно покинул Петроград. Значительный этап его жизни – сотрудничество в «Русском богатстве» – завершился.

Говоря о русской дореволюционной печати, С.Я. Махонина справедливо утверждала, что «журналистика, преследуя, главным образом общественно-воспитательные цели, естественно, выдвигала на первый план обозрения и статью, а к беллетристике относилась лишь как к неизбежной уступке несерьезному читателю» [9, с.34]. Беллетристика журнала, помещенные в нем художественные произведения – то, что входит в сферу литературной журналистики и определяет специфику «толстых» журналов [22], – воспринимаются читателем в первую очередь как взгляды самого журнала и только во вторую – как индивидуальное мнение авторов, обладающих

тем или иным мировоззрением. «Литературная личность писателя, участвующего в идеологически определенном органе, помогает осмыслить и подпират собою не столько отдельные части журнала (статью, стихотворение и проч.), сколько весь журнал в целом» [5, с. 178]. Кроме того, читатель «толстого» журнала требовал от авторов всеохватности, энциклопедичности предоставляемых сведений, а углубленное, обобщенное освещение жизни давала именно публицистика. Другими словами, публицисты предлагали писателям для разработки насущные проблемы, активно диктуя свои требования к литературному материалу, публикуемому в журнале. В творческой деятельности Крюкова это прослеживается четко, поскольку в его очеркистике обнаруживаются устойчивые связи с тематикой статей, опубликованных во втором – публицистическом – разделе журнала. Актуализации во времени служили и «говорящие» названия рубрик в этом разделе: «На очередные темы», «Хроника внутренней жизни», «Случайные заметки».

Творчество Ф.Д. Крюкова следует воспринимать как художественно-публицистическое, в русле именно литературной журналистики, а его творческий метод – как метод писателя-журналиста, поскольку оно было направлено на освещение и разрешение актуальных проблем общественно политической практики, дабы воздействовать на общественное мнение, на формирование общественного сознания, на жизнедеятельность современного писателю общества.

Крюков выстраивает свои произведения по публицистическому методу исследования и отображения действительности, переносит жанрово-композиционную структуру репортажа, очерка на композицию и стиль литературного произведения. Соблюдается и публицистический принцип изображения человеческой личности с позиций того, как она реализуется в системе общественных отношений: каждый крюковский герой дан как социально-психологический портрет современника. Следовательно, автор воссоздает аналитический образ действительности, причем той действительности, с которой он сам взаимодействует.

Доминирующий жанр крюковских публикаций – очерк. Обращение писателя к нему

не случайно. Этот жанр вообще характерен для русской журналистики конца XIX – начала XX века, поскольку именно он давал возможность писателям-публицистам оперативно откликнуться на «положение минуты», уловить «процесс жизни», «соединить острую постановку вопроса с тонкостью отделки ответа» [12, с. 9]. Именно поэтому жанр очерка весьма продуктивен в плане имиджеформирования, в том числе бренда территории.

Публицист прежде всего проповедник идей, формирующих картину мира. События, образы людей, их характеристика и поступки вводятся в публицистическое произведение, аргументированное в соответствии с авторской концепцией. Поэтому изображаемый мир предстает перед читателем в четкой смысловой перспективе авторской идеи. При этом авторская логика становится организующим началом, давая персонажам для выявления своего «я» лишь такой простор, который не нарушает авторской мысли. Выделив черты героя, типичные для данного отрезка времени, преломив их сквозь призму собственного мировосприятия, очеркист может полнее обрисовать характер человека и быстрее донести до читателя его жизненную позицию.

Функционирование литературного произведения в журнальном контексте как нельзя лучше способствует ориентированию читательского восприятия: правильная расстановка материалов (как в микро-, так и в макроконтексте) расширяет возможности читательской интерпретации текста, позволяет расставить акценты, исходя из задач, которые журнал ставит перед собой.

Несомненно, что автор журнального произведения, будь оно художественным, публицистическим или представляет собой сплав этих двух начал, обладает темпераментом гражданина, обостренной реакцией на события текущей жизни. С другой стороны, автор имеет возможность реального воздействия на современность и получения конкретного практического результата. Иными словами, система «автор – читатель» интерактивна, диалогична.

Кроме того, редактор журнала участвует в его создании, в формировании очередного номера, в привлечении сотрудников, в от-

боре и подготовке материалов. Он знает читательскую аудиторию, ее запросы и информационные потребности. Следовательно, автор-редактор имеет возможность координировать свое произведение относительно контекста, исходя из социального заказа, учитывая концепцию издания, идейно-эстетическую установку редакции и читателей. Таким образом, происходит взаимодействие трех систем: «редактор – автор», «редактор – читатель» и «автор – читатель», что позволяет более активно воздействовать на общественное сознание, будить общественную мысль, осуществлять социальное, политическое, нравственное воспитание масс, стимулируя тем самым прогресс и общественное развитие. Если говорить об «инструментарии» авторского воздействия на читателя, то, в первую очередь, следует выделить введение в текст беллетристических и публицистических произведений авторских оценок, как эксплицитных, так и имплицитных.

Выбор названия, темы, идеи, мотивов – основной прием воздействия на читателя. Что касается идейно-тематического плана, то он определялся журнальной концепцией. Особую роль в журнальных публикациях играют заголовки – именно они мотивируют читательское восприятие. Они должны быть информативны, доступны и понятны читателю, побуждать его к прочтению последующего текста. Практически каждая публикация Крюкова сопровождается и разъясняющим подзаголовком: «из станичного быта», «летние впечатления и заметки», «картинки школьной жизни», «картинки казацкой мобилизации», «путевые впечатления», «впечатления проезжего», «из школьной хроники» и т. п. В них акцентируются ежемоментность впечатлений или временная соотнесенность, тема публикации, авторская атрибуция, следовательно, присутствие, а значит, достоверность.

Стремление к документальной достоверности изображения обуславливает и работу крюковской мысли: необходимо осмысление, почему то или иное явление имеет место? – и публицист пытается своими очерками найти причины этому. Как к этому факту относятся окружающие? – и он становится социологом, непрерывно выявляющим и оценивающим общественное мнение. Какое

влияние оказывает событие на окружающее? – и беспокойный наблюдатель, Крюков изучает, анализирует и даже прогнозирует последствия явления. Иногда этого делать даже не приходится: журнальный контекст, по большей части публицистический, дает ответы на все эти вопросы.

В очерках и рассказах Крюкова запечатлены особенности казачьего мировоззрения, общественный темперамент, уровень и специфика знаний и т. п. Автобиографизм писателя сознательный: используя в произведениях события и факты из своей личной жизни, Крюков понимает их как частицу истории современности. Автобиографичность творчества Крюкова проявляется в двух планах: личностном (собственно очерки, написанные от первого лица) и творческом (перенесение авторских впечатлений на героев, их «авторизация»). Автобиографизм сказывается и на индивидуализации стиля писателя, его творческой манеры письма (подробнее о жанрово-стилевых особенностях творчества Ф.Д. Крюкова см.: [20]).

В своей художественно-публицистической практике Крюков придерживался прежде всего «здорового человеческого взгляда на вещи, золотой середины, благодаря которой предмет разговора предстает перед нами в его наиболее объективном и не искаженном конъюнктурными соображениями автора виде» [3, с. 18]. В этом убеждает все творчество писателя, публициста, редактора, бытописателя родного края.

Имя Ф.Д. Крюкова вписано в «золотую книгу» литературы Нижневожского региона, а его творчество не привлекательно не только в связи с загадкой авторства «Тихого Дона». Мы оставим шолоховский вопрос за рамками нашего повествования. Отметим же, на наш взгляд, наиболее очевидные факты, обуславливающие неугасаемый интерес к его творческому наследию.

Крюковская очеркистика дает богатейший материал к изучению аспектов журналистского мастерства в плане технологии разработки публицистических образов, использования изобразительно-выразительных средств, выстраивания композиции и т. д. Таким образом, публицистика Крюкова вполне может стать своеобразной творческой мас-

терской для современных журналистов, работающих в жанре очерка.

Очерки и рассказы Ф.Д. Крюкова можно назвать литературной энциклопедией донского казачества. Изучение его творческого наследия, особенно периода его сотрудничества с толстыми столичными журналами, особенно актуально сейчас, когда возрождаются славные традиции казачества, восстанавливается культурная и этнографическая идентичность этого сословия. Кроме того, проблемы, которые решают крюковские герои, их чаяния и мечты фактически вне времени, поскольку вопросы эти вневременные, отражающие специфику ментальности казака: как быть счастливым в эпоху исторических катаклизмов? Как достойно следовать традициям предков? В чем настоящее предназначение казака? В чем правда, в конце концов? На эти вопросы ищут ответы казаки и казачки Крюкова, на эти же вопросы пытаются ответить и наши современники.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 16-14-34006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов, П. Бытописатель земли донской / П. Автономов // *Донская волна*. – 1918. – № 23.
2. Бирюков, Ф. Г. Бытописатель народной жизни / Ф. Г. Бирюков // *Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика*. – М. : Советская Россия, 1990. – С. 3–24.
3. Васильев, В. Возвращение Федора Крюкова / В. Васильев // *Шолохов на изломе времени : ст. и исслед. материалы к биограф. писателя. Ист. источники «Тихого Дона». Письма и телеграммы* – М. : Наследие, 1995. – С. 111–136.
4. Горнфельд, А. Г. Памяти Крюкова / А. Г. Горнфельд // *Вестник литературы*. – 1920. – № 6. – С. 15–20.
5. Евгеньев-Максимов В. Е. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы / Е. В. Евгеньев-Максимов, Д. Е. Максимов. – Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. – 302 с.
6. Короленко, В. Г. Избранные письма. Т. III / В. Г. Короленко. – М. : Мир : Гослитиздат, 1936. – 235 с.

7. Краснов, П. К. «Родному краю» Ф.Д. Крюкова / П.К. Краснов // Казачий сборник. – Берлин, 1922. – № 1. – С. 58-65.
8. Крюков, Ф.Д. Казацкие мотивы. Рассказы. Т. I / Ф.Д. Крюков. – М.: Худ. лит., 1990. – 444 с.
9. Махонина, С.Я. Русская дореволюционная печать (1905 – 1914) / С.Я. Махонина. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.
10. Мельников-Разведенков, С.Ф. Наше казачество в журнальных статьях / С.Ф. Мельников-Разведенков // Донская речь. – 1894. – 13, 15 декабря.
11. Переписка между Ф.Д. Крюковым и А.С. Се-рафимовичем // Волга. – 1988. – № 2. – С. 155.
12. Пивоварова, Л.М. Русский очерк 80 – 90-х гг. XIX века / Л.М. Пивоварова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 112 с.
13. Пинус, С.А. Бытописатель Дона / С.А. Пинус // Родимый край. – Усть-Медведицкая, 1918. – С. 21.
14. Письмо Ф.Д. Крюкова А.Г. Горнфельду от 26 апреля 1917 года // РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 356.
15. Письмо Ф.Д. Крюкова А.И. Тинякову от 8 августа 1909 года // ОР РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 22. Л. 4501.
16. Письмо Ф.Д. Крюкова А.И. Тинякову от 8 июля 1903 года // ОР РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 22. Л. 4499.
17. Письмо Ф.Д. Крюкова И.Н. Захарову от 25 ноября 1912 г. // РГАЛИ. Ф. 1348. Ед. хр. 35. Оп. 4.
18. Письмо Ф.Д. Крюкова С.И. Шубинскому от 24 сентября 1896 года // ОР РНБ. Ф. 844. Ед. хр. 65. Л. 96.
19. Сатарова Л.Г. Спор о казачестве: (Творче-ство донских писателей Петра Краснова и Федора Крюкова) / Л.Г. Сатарова // Подъем. – 1998. – № 12. – С. 214–228.
20. Смирнова, Е.А. Жанрово-стилевые осо-бенности публицистики Ф.Д. Крюкова / Е.А. Смир-нова // Вестник ВолГУ. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – Вып. 4. – С. 89–95.
21. Смирнова, Е.А. Литературная деятель-ность Ф.Д. Крюкова в публицистическом контек-сте «Русского богатства»: Дисс. ... канд. филол. наук / Е.А. Смирнова. – Воронеж, 2004. – 216 с.
22. Шильникова, О.Г. Хронотоп «толстого» журнала: типологическая идентификация, кон-структивные и качественные параметры, формы ре-презентации / О.Г. Шильникова // Вестник Волго-градского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2010. – № 8–9. – С. 50–61.

GENIUS LOCI OF FEODOR KRYUKOV, THE JOURNALIST AND THE PORTRAYER OF “QUIET FLOWS THE DON”

Evgenija Aleksandrovna Smirnova

Candidate of Philology (PhD),
Docent of the Department of Journalism and Media Communications,
Volograd State University
stilvolsu@mail.ru
University Avenue, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article aims at the integral analysis of the works of the Cossack writer F.D. Kryukov, who opened for the Russian reader multicoloured flavor of the Don region and the Don Cossacks, he also became a literary mentor for many Cossack writers in the dynamics of life’s journey, the development of their talent and in the variety of manifestations in the cultural and historical context of his time. In addition, almost all the works of F.D. Kryukov was published in the literary magazines (in Civil War period - in the newspapers), which determines the specific approach of the writer to display the reality as a writer-journalist. The article determines the writer’s thematic preferences, describes the new type of the character – Cossack, a native of the river Don.

Key words: journal context, F.D. Kryukov, «Russian wealth», thick magazine, Cossacks, journalism, publicism, genres, sketch, review, perspective of mass media.